

Вторникъ, 31 мая (13 іюня) 1905 г.—№ 164

СЛОБО

5

„Мefиcтoфeль“ Чeхoвa.

„Дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей“.
(Достоевскій).

Вѣчное начало, съ которымъ у человѣчества идетъ непрерывная борьба, Гете нѣкогда олицетворилъ въ образѣ Мефистофеля. По подь его перомъ этотъ образъ принялъ черты, враждебныя исключительно западно-европейскому міру, и вмѣстѣ съ тѣмъ явился показателемъ того русла, по которому покатилась западно-европейская мысль и исторія. Онъ представитель сильнаго и гордаго интеллекта, леденящаго собою все высокое, всѣ идеалистическіе порывы фантазіи, которые такъ необходимы рано созрѣвшему западно-европейскому человѣчеству въ его борьбѣ съ изсушающимъ практицизмомъ жизни, съ холодною, безстрашною, все разлагающею мыслью. Живой водой, соединяющей уже разрозненные части, можетъ явиться только творчество, зародившееся на развалинахъ, оставленныхъ анализомъ. И Фаустъ правъ, противопоставляя своему врагу Мефистофелю, разрушающему его иллюзіи, — созидательную работу.

Это отвлеченное начало, враждебное здорому развитію народнаго духа, Мефистофель, всегда ищетъ той щелочки въ народномъ организмѣ, черезъ которую онъ могъ бы пробраться, и вълѣдствіе того принимаетъ различныя формы, сообразно съ особенностями каждой націи, ея характеромъ. У насъ, напр., оно приняло свой особый видъ, или, иными словами, въ русской жизни есть свой Мефистофель. Онъ продуктъ нашей исторіи, нашего сродниаго положенія между западно-европейскимъ культурнымъ міромъ и отжившимъ было свой вѣкъ, но теперь ждущимъ возрожденія Востокомъ. Онъ, по опредѣленію г. Мережковского, «воплощенное отрицаніе всѣхъ концовъ и началъ, воплощенная правдивая и умышленная середина, посредственность», которая стоитъ въ прямой враждѣ съ всѣмъ извѣстной широкостью русскаго человѣка, не терпящаго узкихъ рамокъ, сковывающихъ свободное движеніе впередъ. Между тѣмъ, эти рамки нѣдро предлагаются намъ и съ Востока, и съ Запада; но онъ несетъ съ собой мѣшанство и пошлость — это естественное послѣдствіе всякаго суживанія. Въ общемъ, это начало, враждебное духовному складу народа, выливается не сразу, а постепенно, путемъ борьбы съ нимъ, вначалѣ неясной и туманной, и потому его легче всего прослѣдить въ драмѣ, въ самой основѣ которой лежитъ борьба. По крайней мѣрѣ, нашъ русскій Мефистофель, до сихъ поръ не нашедшій собѣ по-

наго олицетворенія, именно въ ней намѣтилъ свои частичныя, наиболѣе ясныя проявленія, начиная съ Гоголя, впервые указавшаго его и борющагося съ нимъ, и кончая Чеховымъ, достойнымъ пріемникомъ Гоголя въ литературѣ. Вообще, можно сказать, что, несмотря на промежутокъ времени, отдѣляющій въ творчествѣ этихъ двухъ писателей, ихъ сблизила и сроднила борьба съ однимъ врагомъ, отъ котораго съ 40-хъ г. и до сихъ поръ не могла отдѣлаться русская жизнь. Потерявъ свои «концы и начала», свою связь съ родомъ, народомъ, землею, она лицомъ къ лицу столкнулась съ своимъ Мефистофелемъ, съ той «буржуазной положительностью», которой косится у насъ все доброе и честное...

Если Мефистофеля русской жизни легко было уловить Гоголемъ съ его острой проницательностью, то и Чеховъ, съ своей чуткостью, не могъ не ощущать постоянно его присутствія: оно тяготѣло надъ нимъ и подавляло его свободныя творческія силы, не давая имъ широкаго размаха, заставляя сосредоточиваться на одномъ пунктѣ борьбы съ врагомъ. Но рѣзко и грубо очерченный образъ русскаго Мефистофеля у Гоголя, — подъ перомъ Чехова принялъ болѣе тонкія черты. Въ этомъ сказалось знаменіе нашего времени съ его стремленіемъ къ утонченности и доходящей до болѣзненности душевною чуткостью.

Въ Западной Европѣ Мефистофель является гордымъ и сильнымъ началомъ, олицетворяется въ видѣ всепоглощающаго скенсиза, — для этого у него есть свое историческое прошлое. У нашего Мефистофеля прошлаго нѣтъ: онъ сразу явился какъ бы готовымъ, а потому и не пустилъ табуемыхъ корней въ нашу жизнь, хотя, вообще, замутилъ ее страшно. Онъ не можетъ равняться ни по силѣ, ни по величію съ своимъ старшимъ братомъ, онъ маленький и гаденькій, цѣляющійся за все своими слизкими руками и на всемъ оставляющій свой слѣдъ. Онъ не приведетъ чело-вѣка къ безднѣ, но затопитъ его въ тинѣ, онъ не потребуетъ отдать ему душу въ извѣстный моментъ, но будетъ ежеминутно терзать ее, рвать по частямъ и топтать своими маленькими, грязными ногами. Для русской природы съ ея широкимъ размахомъ, съ ея национальнымъ «авосемъ» — это самый страшный, самый коварный врагъ. Онъ забирается въ ея святая святыхъ, и отъ одного прикосновенія его падаетъ все свѣтлое и чистое.

Подъ влияніемъ непрерывнаго роста культурности, въ связи съ измѣненіемъ и утонченіемъ нравовъ, измѣняется и утопчается образъ Мефистофеля: у Гоголя онъ предстаётъ во всей своей непривлекательной наготѣ и вызываетъ смѣхъ рѣзко обозначеннымъ диссонансомъ между собою и основами духовной жизни народа; у Чехова же онъ является уже мало

уловимымъ, еле замѣтнымъ, по налагающимъ на все свой гнетущій отпечатокъ, вызывающій у болѣе или менѣе чуткихъ людей чувство тоски и унынія, потерю радости и любви къ жизни — этого единственнаго стимула, изъ-за котораго стоитъ и надо жить. Въ первомъ случаѣ русскій Мефистофель чувствуетъ себя нѣсколько неловко: онъ слишкомъ молодъ, не вполне освоился еще съ климатомъ и почвой страны и потому ежеминутно себя выдаетъ; во второмъ — онъ хорошо уже изучилъ представляющуюся ему поле дѣятельности, высмотрѣлъ всѣ уголки, всѣ удобныя ширмочки, за которыя можно было бы спрятаться. Для того, чтобы уловить его и здѣсь понадобился художникъ съ тонкой душевной организаціей, съ новыми пріемами творчества. При нихъ каждый штрихъ дышитъ мягкостью и пблизостью, на фонѣ которыхъ не можетъ не остаться безъ слѣда грязная лапа даже изловчившагося русскаго Мефистофеля.

Въ созданіи этихъ формъ болѣе тонкихъ и хрупкихъ, мы сказали бы, болѣе кристаллическихъ, — едва ли кто станетъ отрицать связь Чехова съ декадентствомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ, намъ кажется, едва ли не является первымъ предвѣстникомъ этого теченія у насъ въ его широкой и серьезной основѣ. Говорятъ: декадансъ — вырожденіе. Можетъ быть, но оно есть и созиданіе. Должно быть одно изъ двухъ, — говоритъ герой драмы г. Косорова «Весенній потокъ», — или «свободный распадъ» или «свободное творчество». А свободный распадъ, по нашему мнѣнію, уже самъ по себѣ есть основа свободнаго творчества, такъ какъ развалины всегда заставляютъ созидать. И если декадентство и есть именно этотъ «свободный распадъ» въ своей утонченности формъ, доходящихъ до изломанности, — то онъ и предвѣстникъ грядущаго созиданія творчества. Что оно можетъ предтѣ и что оно идетъ — объ этомъ говорить намъ и такой чуткій писатель-художникъ, какъ Чеховъ. Среди тоски и унынія, въ упорной и требующей много терпѣнія борьбѣ съ мѣшанскою пошлостью — у него, того и гляди, прорываются слова о «двѣтущемъ садѣ» будущаго человѣчества, о новой лучшей жизни. Призывъ «впередъ», вложенный въ уста и его послѣдняго героя — вѣчнаго студента въ «Вишневомъ садѣ» — неустанно звучитъ среди этой борьбы и говоритъ о побѣдѣ.

А какова эта борьба, сколько душевной силы и мукъ художника-творца, изображающаго ее въ образахъ, потребовала она, — на это намъ лучше всего, повторяемъ, указываютъ его же драмы.

Вообще говоря, для русскаго Мефистофеля у Чехова готовая почва: полная безхарактерность и какое-то нравственное обезличеніе героевъ, вызванное условіями ихъ общественной жизни, а потому и неспособность къ быстрому отпору, къ

сильному, активному противодействию. «И скажите, могло ли быть иначе», говоритъ, напр., погрязающій постепенно въ тинѣ обыденщины, но когда-то полный высокихъ порывовъ Ивановъ. «Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много!»

Побѣдителемъ Иванова является мѣшанство и пошлость. Что именно оно побѣдило Иванова, мы видимъ изъ его же словъ: «Лишніе люди, лишніе слова, необходимость отвѣчать на глупые вопросы, — все это, докторъ, утомило меня до болѣзни. Я сталъ раздражителемъ, вепильчивъ, рѣзокъ, мелоченъ до того, что не узнаю себя. По цѣлымъ днямъ у меня голова болитъ, бессонница, шумъ въ ушахъ... А дѣваться положительно некуда... Положительно»... (51).

Да, дѣваться дѣйствительно некуда отъ этого русскаго Мефистофеля. Онъ вкрался въ душу каждаго изъ окружающихъ Иванова и въ той или иной степени подчинилъ ее себѣ, разнося заразу и дальше.

Но наиболѣе коварно, наиболѣе хитро спрятался онъ во Львовѣ, этомъ представителѣ прямойлинейной, деревенной честности, не мѣшающей ему дорѣзывать и безъ того обезсиленнаго жизнью Иванова всѣми имѣющимися у него мѣрами, но останавливаясь и передъ анонимными письмами его невѣсты. Во Львовѣ такъ и чувствуетъ буржуй съ выпяченною грудью, ступающій твердыми шагами и давящій на своемъ пути все нѣжное и чуткое. «Скучно съ нимъ», говоритъ Саша; и не только скучно, но и страшно, прибавимъ мы, страшна посредственность, которая все заволакиваетъ какимъ-то туманомъ, мѣшаетъ пробиться всему живому и свѣжему, а ее-то докторъ Львовъ возводитъ въ идеаль.

Какъ заразительно мѣшанство и какъ опасенъ нашъ Мефистофель, объ этомъ говоритъ уже то, что онъ заполонилъ и душу такого талантливаго человѣка, какъ Ивановъ, такую способную на самопожертвованіе натуру, какъ Анна Петровна. Не Ивановъ, съ его душевной чуткостью и благородствомъ, бросаетъ въ лицо всѣмъ пожертвовавшей для него Аннѣ Петровнѣ: «замолчи, жидовка!» и злорадно кричитъ ей, доругающей, что она скоро умретъ, — это говорить и кричитъ ей Мефистофель, маленький и пошленькій. И не Анна Петровна, отличившая честнаго и умнаго человека среди массы другихъ и брошенная все, чтобы пойти за нимъ, можетъ, видя его страданія, бросать ему въ лицо грязное оскорбленіе въ женитбѣ на ней изъ-за денегъ — эту ходячую еллетню пошлаго общества, — а бросаетъ ее Мефистофель, прикоснувшись и къ душѣ Анны Петровны грязными лапами черезъ посредство своихъ олицетвореній въ видѣ Боркина и Львова. Разъ забравшись въ душу, Мефистофель не уйдетъ уже изъ нея. Далъ того, чтобы

отдѣлаться отъ него нужны геройскія силы; ихъ нѣтъ у Иванова, вынесшаго, кромѣ непосильно взятой на себя тяжести жизни, еще и нравственное раздвоеніе, обезсилившее его окончательно. «Говорю, какъ передъ Богомъ, замѣчаетъ онъ, я снесу все: и тоску, и психологію, и разореніе, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмѣшки надъ самимъ собой. Я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди»... (77).

И надъ всѣмъ этимъ такъ и слышится торжествующій смѣхъ Мефистофеля, не гордый и свободный смѣхъ великаго побѣдителя, въ которомъ чувствуется сила и при которомъ охватываетъ отчаяніе за безсиліе человѣка, растеть, состраданіе къ нему, — а маленький и гаденькій смѣшокъ, при которомъ становится стыдно за чело-вѣчество. Самое распредѣленіе борьбы здѣсь страшно коварно: только такимъ путемъ можно сломить и побѣдить вообще способную на борьбу и выносливую русскую натуру, тогда какъ болѣе опытное въ борьбѣ, но обезсиленное своимъ историческимъ прошлымъ западно-европейское чело-вѣчество — должно вести борьбу съ гордымъ и сильнымъ скенсизмомъ, требующимъ для побѣды надъ собой широкаго творческаго размаха.

Въ «Трехъ сестрахъ», въ «Чайкѣ» и даже въ «Вишневомъ садѣ» — этомъ предвѣстникѣ побѣды свѣтлаго будущаго, новыхъ грядущихъ силъ — мы слышимъ тихій и гаденькій смѣхъ Мефистофеля.

Въ «Трехъ сестрахъ» Мефистофель удобно помѣстился за широкой жены Андрея — этого олицетвореннаго мѣшанства, — и благодаря ей подчинилъ своей власти гордыхъ, все куда то рвущихся идеалистовъ, по крайней мѣрѣ, подавилъ въ нихъ всякое активное противодействие. Онъ захватилъ ихъ глубоко на дно бытательщины, въ которой все уже заранѣе загрознено имъ, и въ которой, само собою, замеръ ихъ условный, — какъ символъ порыва къ новой, разумной жизни, — крикъ: «въ Москву». Но особенно ясно обрисовывается образъ русскаго Мефистофеля въ той драмѣ Чехова, въ которой онъ перенесъ новое движеніе, охватившее нашу жизнь: страстное исканіе новыхъ формъ, болѣе тонкихъ, способныхъ уловить мягкія и нѣжныя мелодіи современной души, такъ болѣзненно сжимающейся отъ каждаго грубаго прикосновенія.

Искателемъ этихъ новыхъ формъ, а потому и борцомъ съ старающимися пробраться сюда Мефистофелемъ, является въ Чайкѣ писатель Трелевъ. Онъ видитъ всѣ ловушки Мефистофеля и борется съ нимъ всѣми силами своей молодой, чуткой души, какъ только можетъ бороться одиночная личность, разобщенная съ массой и лишенная

въ ней послѣдней точки своей опоры. «Когда поднимается занавѣсъ, говорятъ Трелевъ, — и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатахъ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святаго искусства, изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль, — мораль, маленькую, удобовоплатную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ вариаций мнѣ подносятъ все одно и то же, — то я бѣгу и бѣгу, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью» (146—147). Но Мефистофель мститъ за неиниманіе къ нему полной неудачей Трелеву: его творческія, изображенія оторванные отъ реальной почвы, тусклые; въ нихъ, правда, нѣтъ пошлости, которой полна дѣятельность, но зато нѣтъ и жизни, которая одна способна прочно сосредоточить вниманіе зрителя. Онъ самъ, въ концѣ концовъ, долженъ признать превосходство надъ собой злѣйшаго врага своего Тригорина, уже успѣвшимъ омонить-ся и прекрасно себя чувствующаго съ своимъ Мефистофелемъ.

Менте активный, но сильный въ своей безсознательности протестъ передъ пошлостью жизни прорывается у героини этой пьесы, Нины Зарѣчной. Я думала, говоритъ она, что извѣстные люди горды, неприступны, что они презираютъ толпу и своею славой, блескомъ своего имени какъ бы мстятъ ей за то, что она выше всего ставитъ знатность происхожденія и богатства. Но они вотъ плачутъ, удаютъ рыбу, играютъ въ карты, смѣются и сердятся, какъ всѣ... (165). Дѣло, конечно, здѣсь не въ одномъ чрезмѣрномъ идеализмѣ Нины, впервые столкнувшейся съ прозой жизни, и въ неясномъ, но уже проскользнувшемъ ощущеніи, что въ созданныхъ ею кумирахъ — та же пошлость и мѣшанство, хотя и въ другомъ видѣ, какіа встрѣчались ей вокругъ. То, что Тригоринъ, напр., занимается ловлей рыбы, само по себѣ не могло бы еще поразить Нину; главное въ томъ, что подобное занятіе является для Тригорина, какъ говоритъ потомъ и онъ самъ, единственно желаннымъ занятіемъ, что онъ видитъ въ немъ не отдыхъ, а средство убить время, безсмысленность котораго для себя чувствуетъ, что никакой горячій порывъ, никакое страстное желаніе не взволнуютъ его душу: жизнь задѣваетъ его лишь постольку, поскольку она можетъ служить отраженіемъ въ его творчествѣ; онъ не живой человѣкъ, а холодное, безстрастное зеркало. Вообще Тригоринъ типичный представитель литературнаго Мефистофеля, тотъ же буржуй, но еще стыдливѣе себя самого.

Точно такъ же и плачъ Нины поражаетъ Нину именно тѣмъ, что онъ мело-

ченъ, свидѣтельствуешь о томъ, какая маленькая и пошленькая душа можетъ владѣть талантомъ или, вѣрнѣе, пользоваться извѣстностью (талантливости Ирины мы въ пьесѣ не видимъ). Какъ видимъ, Нинѣ Мефистофель сразу является въ заманчивыхъ образахъ: онъ знаетъ, съ кѣмъ ведетъ борьбу, знаетъ, что можно разбить хрусталь, но не изогнуть его. И онъ достигъ своего, хотя на время, какъ видимъ изъ словъ той же Нины: «я стала мелочною, ничтожной, играла безсмысленно,—разсказываетъ она о времени своего сближенія съ загрязненнымъ Мефистофелемъ Тригориннымъ, и причину этого она поясняетъ предыдущими словами: «Онъ не вѣрилъ въ театръ, все смѣялся надъ моими мечтами, и мало-по-малу я тоже перестала вѣрить и пала духомъ»...

Гораздо болѣе сознательно и активно выступаетъ на борьбу Треплевъ. Треплевъ прямо называетъ своимъ врагомъ и врагомъ всего человѣчества Мефистофеля, появляющагося въ его пьесѣ съ яркими огненными глазами. Въ немъ для Треплева олицетворяется матерія, эта подавляющая, но неясная еще для него масса. «Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ», говоритъ «мировая душа» въ пьесѣ Треплева. «Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой, глубокой колодезь, я не знаю, гдѣ я и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство мировой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый Сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ...

Вотъ приближается мой могучій противникъ, дьяволъ. Я вижу его страшные, багровые глаза»... (153)

Здѣсь мы видимъ, какъ постепенно для Треплева выясняется образъ врага, принимающаго подъ конецъ уже нѣкоторыя опредѣленные черты.

Постепенно и почти неизбежно засасывающая человѣка тина обыденщины, подавляющая своею пошлостью, предстаетъ предъ нами и въ «Дядѣ Ванѣ». На ходъ ея намъ указываетъ Астровъ: «Затягиваетъ эта жизнь», говоритъ онъ. «Кругомъ тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а проживешь съ ними года два-три, и мало по малу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь».

Въ другомъ мѣстѣ онъ констатируетъ самый фактъ опошленія своего и «дяди Вани». «Во всемъ уѣздѣ, говоритъ Астровъ, было только два порядочныхъ, интеллигентныхъ человѣка: я да... ты. Но въ какія-нибудь 10 лѣтъ жизнь обывательская, жизнь

презрѣнная затянула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, какъ всѣ» (251). Существованіе этого Мефистофеля чувствуетъ и Елена Андреевна: «Вы, Иванъ Петровичъ, говоритъ она дядѣ Ванѣ, образованный и умный, и кажется, должны бы понимать, что міръ погибаетъ не отъ разбойниковъ, не отъ пожаровъ, а отъ ненависти, вражды, отъ всѣхъ этихъ *мелкихъ дразгъ*»... (221).

Но во всей этой пьесѣ сильно борется съ Мефистофелемъ, активно противодействуетъ ему только докторъ Астровъ, съ его полной жизни и энергіи натурой и широкимъ взглядомъ на міръ. Онъ такъ же, какъ и Треплевъ, несмотря на свою рѣзко обозначенную индивидуальность, долженъ признать, въ концѣ концовъ, необходимость работы для единой мировой души, которая у Астрова олицетворяется въ будущемъ человѣчества. Оно свѣтитъ ему, какъ огонекъ усталому путнику и не даетъ опуститься въ тину обыденщины. Не опустился въ нее и Треплевъ, но онъ менѣе активная, менѣе сильная натура, чѣмъ докторъ Астровъ, и потому, не выдерживая тяжести борьбы, «возвращаетъ свой билетъ на входъ». Между тѣмъ, Астровъ, несмотря на свое нытье, которое прорывается даже у этого сильного духомъ человѣка при окружающей пошлости,—все-таки идетъ впередъ. «Вообще жизнь люблю,—говоритъ онъ,—но нашу жизнь, уѣздную, русскую, обывательскую, терпѣть не могу и презираю ее всѣми силами моей души. А что касается моей собственной личной жизни, то, ей Богу, въ ней нѣтъ ничего хорошаго. Знаете, когда идешь темной ночью по лѣсу, и если въ это время въ дали свѣтитъ огонь, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу... Я работаю, какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня, но переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нѣтъ огонька». (226). Но докторъ Астровъ не правъ, забывъ свой огонекъ: онъ ярко горитъ и зоветъ его, и ради него живетъ докторъ Астровъ, ради него борется съ обыденщиной, лѣчитъ больныхъ, насаждаетъ лѣса. Объ этомъ огонькѣ онъ говоритъ раньше, когда заботится о томъ, помянуть ли его добрымъ словомъ тѣ, которые будутъ жить черезъ 100—200 лѣтъ послѣ него, когда мечтаетъ о томъ, насколько можетъ улучшиться климатъ для нихъ насаженными имъ лѣсами. Передъ этимъ огонькомъ не устоятъ и Мефистофель съ его огненными глазами, не замутитъ ему уже никакими мѣрами душу человѣка, въ которой онъ разъ зажегся. И докторъ Астровъ если и поддается пошлости среди этихъ «мелко мыслящихъ и мелко чувствующихъ людей»,—то лишь

въ минуту слабости да и то переродитъ ее во что-либо свѣжее и чистое. Таково, напр., его чувство къ Еленѣ Андреевнѣ, которое у другого человѣка съ подобными взглядами могло бы принять пошлую оболочку, а у него, несмотря на грубость, выходитъ свѣжо и чисто.

Крикъ отчаянія вырывается у Елены Андреевны, у которой, благодаря ея воспитанію, нѣтъ и не можетъ быть этого огонька, и которая сознаетъ всю силу страшнаго, надвигающагося на нее русскаго Мефистофеля: «Вы, обращается она къ людямъ, безразсудно губите человѣка, и скоро, благодаря вамъ, на землѣ не останется ни вѣрности, ни чистоты, ни способности жертвовать собой.

Почему вы не можете видѣть равнодушно женщину, если она не ваша?

Потому что,—правъ этотъ докторъ,—во всѣхъ васъ сидитъ бѣсъ разрушенія.

Вамъ не жалъ ни лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга»... (216).—Это понятно: людей съ огонькомъ, подобныхъ Астрову, мало, и не можетъ ихъ быть среди нашей, извѣрившейся и въ себя и въ другихъ, интеллигенціи.

Она измучилась и устала въ своемъ одиночествѣ и въ своихъ исканіяхъ, терпѣливо вынося нападки и отъ враговъ и отъ друзей, всюду встрѣчая одно недовѣріе. Тѣ, которымъ на помощь она готовилась, хотя неумѣло, придти, ожидая встрѣтить среди нихъ радужный пріемъ,—отказались отъ родства съ ней и тѣмъ лишили ее единственнаго огонька впереди. Въ перспективѣ русской интеллигенціи порой грезится то же, что и измученной душѣ Сони въ «Дядѣ Ванѣ»: «мы отдохнемъ!»—Вообще Соня типичная представительница нашей интеллигенціи, и вся ея послѣдняя тирада могла бы быть цѣликомъ отнесена къ этому, незванно народившемуся, классу. Непризнанный взомель онъ и непризнанный уходитъ со сцены, не унося съ собою ни одного добраго слова, сказаннаго вслѣдъ не отдѣльной личностью, а цѣлой группой. Виноваты, конечно, въ этомъ историческія условія, создавшія интеллигенцію и составляющія въ то же время играть въ лишнее мѣсто, давшія ей въ руки теорію и лишившія практики, но виновата и сама интеллигенція, способная то на покаянные псалмы, то на великіе подвиги, но до сихъ поръ не сумѣвшая ориентироваться вокругъ, до сихъ поръ не считающаяся съ народной основой, изучить которую ей все какъ-то было некогда, а безъ нея ей, конечно, никогда не уйти впередъ. И въ своей послѣдней драматической вещи, какъ нарочно перенесенной въ глубь прошлаго русской жизни, Чеховъ прямо намѣчаетъ эту ошибку и предостерегающе указываетъ интеллигенціи на новую силу, которая нарождается и можетъ смѣ-

нить ее. Правда, эта сила еще дика и не культурна, какъ и новый владѣлецъ «Вишневаго сада», но Мефистофелю съ ней труднѣе справиться, потому что у нея есть свой огонекъ. Чеховъ по своей мягкости и боязни рѣзко опредѣленнаго тона, часто ведущаго къ узости, не указалъ его въ своей драмѣ, но на него указалъ другой писатель, который никогда не останавливался передъ яркостью красокъ и твердо намѣтилъ извѣстную полосу русской жизни, это М. Горькій.

Въ своихъ «Дачникахъ», которые, несмотря на разницу въ общемъ построеніи и тонѣ съ чеховскими пьесами,—близко подходитъ къ нимъ по настроенію; онъ устами Марьи Львовны указываетъ на «огонекъ» интеллигенціи: «Мы не изъ жалости, не изъ милости должны бы работать для расширенія жизни... Мы должны дѣлать это для себя»...—говоритъ она,—«для того, чтобы не чувствовать проклятаго одиночества... не видѣть пропасти между нами на высотѣ—и родными нашими—тамъ, внизу, откуда они смотрятъ на насъ, какъ на враговъ, живущихъ ихъ трудомъ! Они послали насъ впередъ себя, чтобы мы нашли для нихъ дорогу къ лучшей жизни... а мы ушли отъ нихъ и потерялись, и сами мы создали себѣ одиночество полное тревожной суеты и внутренняго раздвоенія.. Вотъ наша драма!»—«заканчиваетъ свою тираду Марья Львовна,—«но мы сами создали ее, мы достойны всего, что насъ мучитъ! Да, Варя! Мы не имѣемъ права насыщать жизнь нашими стонами».

Но ее не надо будетъ и насыщать ими, если поймемъ, что мы должны только освѣщать путь тѣмъ, кто идетъ за нами но выборъ его передать имъ, такъ какъ страшная отвѣтственность за безопасность его намъ не по силамъ. Мы устали, измучились, намъ надо освѣжиться притокомъ новыхъ силъ, такъ какъ Мефистофель уже вкрался въ нашу душу и загрязнилъ ея святыни своимъ прикосновениемъ, освѣжить ее опять возможно только прикосновениемъ къ корню, изъ котораго мы вышли, только, спускаясь туда въ глубину, гдѣ слышенъ запахъ родной почвы, гдѣ предъ нами раскрываются всѣ ея особенности, которыя нельзя подогнать подъ чужія рамки,—мы избавляемся отъ своего Мефистофеля, теряемъ изъ виду его огненные глаза, не слышимъ его гаденькаго, пошленькаго смѣха, убивающаго въ насъ «чистое и свободное отношеніе къ природѣ и людямъ», о которомъ говоритъ докторъ Астровъ и которое одно можетъ спасти русскую интеллигенцію отъ надвигающагося мѣщанства.